

1996 №6

ДРУГИЙ ОЛИМП

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ

Александр Миронов родился в 1948 году. Так получилось, что публиковался он меньше других петербургских поэтов (а именно - Кривулина, Шварца и Стратановского), до сих пор не издана ни одна его книга. Долгое время стихи Миронова появлялись в самиздате и на страницах русских заграничных журналов ("Гнозис", "Беседа", "Эхо"). Участвовал в сборнике "Круг" (Ленинград, 1985). Большая подборка стихов поэта напечатана в четвертом номере "Вестника новой литературы" за 1992 год.

Если б нас в попыхах не пришили заране,
Не подняли б - не бросили оземь - с земли,
Мы росли бы с тобою в развернутой ране
На глазах шелудивой народной семьи,
Мы метали бы бисер в укромное место,
Мы познали бы сладость семейных забот,
Мы воспели бы Честь или прелесть инцеста,
Зуд Отваги и Славы мерцающий плод.

Наши дети в плена азиатской заразы,
Ошалев от парижских и гамбургских вин,
Развивали бы наши пути-метастазы,
Низводящие в нежный чахоточный сплин.
Все, что было с другими, случилось бы с нами.
Так и кровь голубая отчаясь кружит.
Кронос с Хроносом встарь разменялись чинами:
Первый сечко машет, второй - потрошит.

Видишь, нам повезло. Так незримо, так тихо
Мы вступили в потешную эту игру
Неразумнее снега и сказочней лиха,
Как слова, неподвластные даже перу.
В нас и буквы, смеясь, поменялись местами,
Как священники-птицы вокруг Алтаря.
О, как страшен и вечен Играющий нами!
Тут молчание: нас порешили не зря.

Тут терпение, милость, молочное братство...
Полежим да рассудим в опричной земле,
Как без рук и без ног устоять, удержаться
На веселом, завещанном нам киселе?

О, наши жены страстны и крылаты -
Барышник ловит свадебных щеглов -
Но что скажу я? Все слова запяты.
Освободи их, Боже, от силков!!

Последнее, отчаянное - первым -
Для первого, вкушившего щету,
Чтоб на лугу пред молчаливым Ермом
Они явили тела наготу,

И в нежной ласке, сопряженной с болью,
Звучала Янь: их царственная мать -
София танцевала в звездном поле,
Лия веселье, мир и благодать.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ПРОВИДЕНИЕ

Все ангелы, да злые сквозняки
Шумят, бормочут, пачкают алфавит.
Слова плывут беспомощны, легки,
И ходом разговора леший правит.
Задумчив, осторожен и безлик,
Стирает он последних смыслов грани,
Но чудится ему иной язык -
Глухих кровей и междометий браны.
Не брачный пир, но бранный вой и сечь,
Не погребений тихая отрада,
Но враний хор, но разделений меч
И блеянье замученного стада.

Непогребенные, да почлют слова,
Чтоб вспомнили рассеянные ныне
Советника Орла и Друга Льва
И Голос Вопиющего в пустыне.

ЛЕГКОМЫСЛЕННОЕ КАПРИЧЧИО

Легче, легче летает зыбка,
Словно слезы - потом улыбка.
Божья Матерь иль Чья-то матерь?
Я дитя Твое, Ты - мой Фатер -
Это Он прошептал мне в ухо.
Но, увы, для чужого слуха.

Закричала в ночи старуха,
Зверь восстал по велению нюха,
Под ладонью скрипнула муха,
У ребенка сказался жар.
Ну, уйдите же в самом деле!
Что пристали, как озверели?
Вам легко играть на свирели,
Но какой из нее навар?

Ах, зачем разводить торги нам?
Перестань мельтешить, княгиня.
Все равно, что грешить с другими,
Что со мною, что без меня.
Жизнь одна - в погремушке, в пулье,
Смерть цветет, как сирень в июле.
Что ж боишься ты черта в стуле
И того, что мы все родня?

Легче, легче летает зыбка...
Но смычок утомлен, а скрипка
Петь готова хоть до утра.
Нет уж, полноте. Вот так нумер!
Ваш ребенок, кажется, умер.
Мне, как будто, домой пора...

У Царских Врат в полузыбком мире
в новозаветной дивной наготе,
о девочка, мы все еще не те,
как солнечные тени на потире.
Но видимое кажется видней,
когда воздух возносится как птица,
и в нищете ветхозаветных дней
над кровью Агнца Голый Бог клубится.

Мария Снигиревская. "Воспоминание о детстве", 1993.